

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ТА СТОРОНА,
ГДЕ ВЕТЕР

Владислав Крапивин

Та сторона, где ветер

«Автор»

1967

Крапивин В. П.

Та сторона, где ветер / В. П. Крапивин — «Автор», 1967

ISBN 5-17-030277-0

Владислав Крапивин – известный писатель, автор замечательных книг «Оруженосец Кашка», «Мальчик со шпагой», «Мушкетер и фея», «Стража Лопухастых островов», «Колесо Перепелкина» и многих других. Эта повесть – о мальчишках с верными и смелыми сердцами. О тех, кто никогда не встанет к ветру спиной. Даже если это очень сильный ветер...

ISBN 5-17-030277-0

© Крапивин В. П., 1967

© Автор, 1967

Содержание

Часть первая	5
***	5
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владислав Крапивин

Та сторона, где ветер

С первым ветром проснётся компас.
А.С. Грин.

Часть первая

АВГУСТ

Ночью грянул норд-вест. Он ударил так, что несколько шиферных плиток сорвались с крыши и застучали о деревянное крыльцо. Застонали расшатанные ворота. Потом, когда первая волна ветра ушла и он сделался ровнее, Владик услышал гудение проводов. Они дрожали в потоках воздуха, как басовые струны, и низкий звук их проникал сквозь шум ближних деревьев и беспорядочное, как перестрелка, хлопанье калиток.

Владику захотелось подняться на чердак и проверить стрелку флюгера. Но он побоялся разбудить отца. Ведь отец обязательно проснется от осторожных Владькиных шагов. Нет, пусть уж спит, он и так лег совсем недавно. Владик еще слышал неостывший запах обуглившейся газеты, которой отец прикрывал лампу, когда сидел над чертежами.

Владик нащупал упавшее на пол одеяло, натянул его до подбородка и стал медленно засыпать под шум тополей и гудение проводов. «Циклон с северо-запада», – подумал он сквозь дремоту. Сейчас он уже и без флюгера знал, с какой стороны пришел ветер.

Темнота, словно стены черной палатки, вздрагивала под ветром. И вот наконец он пробил ее, рассыпав редкие оранжевые искры. Они выросли, превратились в яркие шары с пушистыми лучами и заплясали вокруг Владика, разрывая темноту на клочья. Так всегда начинался самый хороший сон.

Но сейчас в него вмешалось что-то чужое и недоброе.

Откуда-то из глубины донеслись шаркающие шаги тетки. «Приехала уже! – недовольно подумал Владик. – И когда успела?» Медленно и скрипуче тетка заговорила издалека:

– Продырявил крышу-то. Навтыкал всяких палок. Все не как у людей! У других-то уж, если не дал господь...

– Чего не дал? – поднимаясь, тихо спросил Владик и почувствовал, как от обиды и злости холодеет лицо.

Тетка замахала руками и стала быстро уменьшаться, словно таять.

– «Господь»... – сквозь зубы сказал Владик.

Но маленькие оранжевые солнца снова закружились перед ним, сливаясь в яркие полосы, и темнота рассеялась совсем. Владику снилось, что кругом уже день и, как зеленые костры, полыхают на ветру деревья...

Глава первая

О том, что Генка три дня подряд не ходил на занятия по английскому языку, отец узнал случайно, перед самым отъездом. Сгоряча он закатил сыну такую затрепину, что у того даже зачесалось в носу. Генка отскочил в угол, прижался спиной к стене и приготовился крикнуть, что пусть хоть убьют, а толку все равно не будет, потому что...

Но отец слушать не стал. Рванул с вешалки дождевик, вскинул на плечо рюкзак и шагнул за дверь, сказав на прощанье:

– Не перейдешь в шестой – шкуру спушу!

Мать посмотрела на Генку долгим взглядом, вздохнула и пошла провожать отца. Хлопнула дверь.

Генка стер со щеки слезу, пнул табуретку и, сев на подоконник, стал грызть ногти в злом раздумье.

За «шкуру» он не боялся. Отец вернется только в октябре, а тогда уже будет поздно шуметь, если Генка и останется на второй год. А в том, что он останется, Генка был уверен. К этой мысли он привык, и мучило его другое: надо было каждое утро таскаться в школу, где худая и раздражительная «англичанка» Вера Генриховна пыталась вдолбить в голову Генке и еще нескольким неудачникам то, что они не смогли выучить за весь учебный год.

Генка передернул плечами. Он вспомнил гулкие ступени пустых школьных лестниц, перевернутые парты у стен, тяжелые шаги маляров, таскавших стремянки по забрызганным известковыми звездами коридорам, и пыльные окна класса. Класс казался теперь очень большим, потому что в нем осталось только четыре парты, остальные вынесли ремонтировать. Генка сидел там на крайней парте, у стены, и тоскливо слушал, как Вера Генриховна с расстановкой произносит:

– Пора понять: до решающей контрольной осталось не больше трех недель.

Для большей убедительности она слегка нажимала на «р»: порра... ррешающей контрольной... тррех... Потом она поворачивалась к треснувшей порыжевшей доске и брала мел. Из-под мела сыпался белый порошок. На доске появлялись английские слова. Те слова, которые читались вовсе не так, как были написаны, и которые нельзя выговорить, не вывихнув язык.

Генка разглядывал седоватый узел волос на затылке «англичанки», уныло грыз ручку, и постепенно в него заползала тоска и безнадежность.

Так проходили два часа. Они все-таки кончались, несмотря на свою бесконечность, и Генка выходил на улицу, где в тополях и кленах посвистывал ветер августа. И в листьях плясало солнце. Но день был испорчен, потому что до вечера сидело в Генке это чувство безнадежности, едкое, как запах сырой извести в пустых коридорах...

А ветер шумел и сейчас, качал в палисаднике ветки сирени. Но Генка не радовался ветру. Он сидел и злился на весь белый свет. Злость бывает разная. Иногда рассердишься, и будто сил прибавится, а иногда наоборот: приходит злость беспомощная, такая, что даже кулаки сжать как следует не хватает силенок. Только сидишь и смотришь на все кругом из-под насупленных бровей. И хорошо еще, если есть что насупить. А если вместо бровей – чуть заметные полоски редких рыжеватых волосков? Генка с отвращением глянул в зеркало на дверце облезлого гардероба. Но лица не увидел. В отраженном солнечном окне рисовался только темный Генкин силуэт – зябко сведенные плечи, круглые, чуть оттопыренные уши, торчащие вверх сосульки волос. Впрочем, Генка и без зеркала отлично помнил свое лицо – скуластое, толстогубое, с широко посаженными глазами, со вздернутым носом и пояском желтых веснушек, протянувшимся через переносицу. «Самый подходящий портрет для второгодника», – подумал он даже со злорадством.

Его злило все: шуршание ветра, хлопанье форточки, дребезжащая музыка приемника. Генка прыгнул на пол. Со звоном закрыл форточку. Рванул штепсель. С кухни доносилось звяканье тарелок и погромыхиванье кастрюль: бабушка мыла посуду. Генка приоткрыл дверь и просунул голову:

– Чем каждой тарелкой греметь, взяла бы лучше всё сразу да об пол!..

– Уехал отец-то, – печально сказала бабушка. – Оставил ирода на погибель нашу. Не будет сладу.

– Не будет, – мрачно согласился Генка.

Вернулся в комнату и снова залез на подоконник. Прямо в ботинках на чисто вымытый подоконник.

Опять заюлила беспокойная мысль: «Что делать, что делать?» Нет, ну в самом деле, что же делать? Вот были бы такие таблетки, чтобы принять их и сразу уснуть на три недели! Лишь бы не ходить в пустой, пахнувший известкой класс, не слышать унылое поскрипыванье мела. Спать и ничего не чувствовать. Даже не жалко августа и ветров. Лишь бы кончилось все скорее! Ну и пусть он будет второгодник. Второгодники разве не люди?

Мать, когда узнает, схватит, конечно, Генку за воротник, закричит и начнет колотить его сухим кулачком по спине. Это не страшно. Хуже, если она не станет колотить, а просто опустит руки и заплачет. Слезы у нее крупные и медленные. Они стекают по тонким морщинкам на щеках, падают с худого подбородка и застревают в зеленых ворсинках потертой шерстяной кофточки. Генка не может смотреть на это... А бабушка обязательно будет стоять рядом и тихо говорить:

«Ведь учил отец-то его, нехристь окаянную: старайся ты, будь человеком. Не хочет, лодырь бессовестный!»

Не хочет! Да он просто не может. Ну нет способностей. Вот на музыканта, например, ни одного человека не станут учить, если нет у него совсем таланта. А если нет никакого таланта, чтобы учить английский язык?

«Будь человеком». А разве обязательно знать английский, чтобы стать человеком? «Будь»! А почему «будь»? А сейчас он разве не человек?..

Вдруг знакомый звук перебил невеселые Генкины мысли. Словно неподалеку сыпали на сухие доски горох. Но, конечно, никакого гороха не было. Это мчался куда-то восьмилетний малыш Илька – шелкали по асфальту его сандалии.

Генка усмехнулся. Вспомнил, как недавно Илькина мать вертела в руках сандалию с протертой насквозь подошвой и сокрушалась:

«Хоть верьте, хоть нет – за это лето уже третья пара. Просто горят у него на ногах».

Рядом стояли соседки и сочувственно качали головами: горят. Илька тоже стоял рядом, поджав босую ногу. Он поглядывал на дыру в подошве и безнадежным голосом спрашивал:

«Ну можно, буду босиком бегать? Ну можно, мам?»

«Еще чего! Я вот покажу тебе «босиком»! Пропорешь ногу да получишь столбняк... Чтобы прививку сделать, тебя ведь арканом не затащишь».

Илькина мама была врачом детской поликлиники и разбиралась в таких вещах, как столбняк.

Сейчас Илька, судя по звонкому шелканью, бегал в новых, четвертых по счету, сандалиях. Хватит ли до осени? Кто знает! Не зря у Ильки такое прозвище – «Гонец». Если надо что-то передать, куда-то сбежать, Илька мигом! Только попросите. Он готов куда угодно. Хоть за пять кварталов, хоть за десять. Потому что это же здорово – лететь по улицам быстрее всех, и так, чтобы ветер навстречу!

Генка сразу представил: мчится Гонец – мелькают коричневые ноги, как спицы в колесе старой бабушкиной прялки. Короткий Илькин чубчик торчком встает над лбом от встречного ветра. И расстегнутая рубашка-распашонка трепещет за спиной, будто маленький плащ.

Если щелкают Илькины подошвы, значит, что-то случилось, значит, есть какая-то новость!

И вот все ближе: та-та-та-та-та... Истошно завопили у соседней подворотни перепуганные куры. Илька с размаху остановился у палисадника. Встал на цыпочки, навалился голым животом на острые рейки. Головой раздвинул ветки.

– Ген... – тяжело дыша, сказал он. Длинные ресницы вздрагивали над его темными встревоженными глазами.

– Ну?

– Гена... Он опять поднялся. Белый...

Глава вторая

Август – месяц ветров. Широкой полосой движутся они с северо-запада, и над городом начинают шуметь старые тополя. Хлопают незапертые калитки, во дворах летит с веревок мокрое белье. А на реке над трубами буксиров рвется в клочья черный дым и полощут на мачтах флаги. В синеве, чисто вымытой ветрами, бегут маленькие желтые облака.

А под облаками, вздрагивая в потоках воздуха, стоят разноцветные квадратики воздушных змеев.

...Петька Лимон, который когда-то запустил к самым тучам «Синего демона» и стал первым флагманом змеевиков, теперь уже совсем не Петька, а Петр Лиманов. И живет не на западной окраине, а на другом конце города, в новом заводском поселке, и работает мастером литейного цеха. А «Синий демон» стал легендой. Но каждый год в августе, когда приходят свежие ровные ветры, поднимаются с невысоких крыш Берегового поселка пестрые летуны с мочальными хвостами.

Перечеркнутый крест-накрест тонкими планками змей похож на большой почтовый конверт. Так их и называют – «конверты». Но есть еще у каждого «конверта» свое имя. Лучше всех знает эти имена Илька. Если его поймать на улице, он охотно остановится на полминутки, запрокинет голову и, протянув в небо ладонь, посыплет звучные названия: «Леонардо», «Желтый щит», «Василек» (это уж, конечно, девчонки выдумали), «Битанго», «Восток-203» (это для запаса такая цифрища), «Гагаринец»...

Илька знает их всех. Даже по звуку трещотки может определить, какой змей сейчас у него над головой. Нет, в самом деле может. Можно даже закрыть ему глаза, и пусть кто-нибудь неподалеку поднимет свой «конверт» – Илька сразу угадает... Но своего змея у Ильки нет. Есть только мечта. Мечта о большом и легком «конверте», о таком, который при самом слабом ветре уходит из рук в небо, как на крыльях, и не падает никогда...

Бывает, что «конверты» падают. Если змей оборван порывом ветра, это еще полбеды: «конверт» подберут и отдадут хозяину. Хуже, если змей сбили голубятники. Они пираты. Они придумали, что воздушные змеи пугают голубей. И еще придумали закидушки. Это два камня и шпигат. Когда змей в воздухе, нить к нему от крыши тянется не прямо: она провисает и, прежде чем уйти вверх, проходит невысоко над землей. Здесь ее и заарканивают закидушками голубятники.

Прихватив добычу, они мчатся домой и по привычке ждут выкупа. Не дождавшись, они выходят на улицу. Здесь их ловят и колотят. Таков закон.

Ветры и небо сдружили мальчишек-змеевиков. С утра до вечера бегут вверх по ниткам пестрые клочки бумажных «телеграмм». Это хозяева «конвертов» ведут разговор. Нехитрую воздушную азбуку понимают все, даже Илька, хотя и с обыкновенным-то чтением он познакомился всего год назад. А чего тут не понимать? Обыкновенная азбука Морзе: белая «телеграмма» – точка, черная – тире. А разноцветные клочки – это позывные. У каждого свои. У Генкиного «Кондора», например, два зеленых. Так его всегда и вызывают для беседы или для отпора голубятникам.

И есть такое правило: как появится в небе новый змей, он должен дать свои позывные. А как же иначе? Небо одно, и все в нем должны знать друг друга.

Большой белый змей появился вчера. Словно квадратная луна, вошел он из-за тополей на улице Чайковского и поднялся выше всех. Он не дал позывных и не ответил на сигналы.

Шурик Черемховский стоял, прислонившись к забору, грыз сухой стебелек и смотрел вверх. Белый квадратик змея неподвижно висел в зените. Светлая нитка, почти неразличимая в синеве, уходила от него за тополя. Небо сейчас было почти пустым. Пестрые «конверты»,

словно стесняясь белого незнакомца, потянулись к своим крышам, исчезли. Только над соседним кварталом невысоко маячил голубой «Василек»

Надьки Колпаковой да над зеленой крышей Тольки Селькупова трепыхался, пытается взлететь, неуклюжий «Погонщик туч».

Белый змей шевельнулся. Было заметно, что он взял еще несколько метров высоты. И снова замер.

– Возможно, он нас не понял, – сказал Шурик, не разжимая зубов, чтобы не выпустить травинку. Стебелек дернулся вверх и вниз, словно стрелка чуткого прибора.

– Чего? – откликнулся с забора Яшка Воробей.

Он сидел на корточках, примостившись на срезе шаткого столба. Сидел и тоже смотрел вверх похожими на темные блестящие кнопки глазами. Не отрывая глаз от змея, он повторил:

– Чего не понял?

– Сигналов, – сказал Шурик.

– Ха! Все понимают, а он неграмотный, значит? Спросил бы, научили бы...

Шурик пожал плечами и выплюнул стебелек.

Щелканье подошв рассыпалось за углом. И вылетел Илья.

Не сбавляя скорости, словно конькобежец, он описал крутую дугу и, чтобы остановиться, с разбегу уперся ладонями в забор. Доски и столб закачались. Закачался и Яшка, смешно размахивая тонкими руками. Не удержался и прыгнул, отбил пятки об асфальт. Замахнулся острым кулачком на Илью:

– Козел бешеный! Тормоза не держат, что ли? Как тресну!

Илья ловко присел.

– Оставь его в покое, – сказал Шурик. И спросил у Ильи: – Узнал?

– Про что?

Шурик движением бровей указал вверх:

– Чей он?

Илья заморгал.

– Я не знаю...

– А-а... – разочарованно протянул Шурик. – Я думал, ты узнавать бегал.

– Я еще вчера бегал, – сказал Илья немного виновато. – Но там, на Якорной, сидят Витька и Серега Ковалевы. А на улице Чехова еще какие-то голубятники. Но они ведь тоже, наверно, знают про катапульту. Им теперь только попадись. Да, Яшка?

– Еще бы, – усмехнулся Воробей, и его треугольное личико даже сделалось круглее.

– А ты при чем! – сказал Ильке Шурик. – Ты в этой истории ведь не участвовал.

– Будут они разбираться! – сказал Воробей.

Илья потоптался, вздохнул и показал на змея:

– Знаете что? Вот, по-моему, он это нарочно, вот и все.

– Кто? – рассеянно спросил Шурик. Он что-то обдумывал и опять жевал травинку.

– Тот, кто его запустил, – объяснил Илья. – Вон он где! Выше всех. Вот он и думает: раз выше, значит, плевать на всех.

Яшка скривил маленький рот:

– Гляди-ка ты, «выше»! У меня «Шмель» еще выше поднимался.

– Ух и врешь! – изумился Илья.

– И кроме того, твой «Шмель» упал, – заметил Шурик.

Яшка понял, что перегнул. Но ни ссориться, ни стукать по шее Ильку не хотелось. Белый «конверт» висел в небе как насмешка над всеми змеевиками.

– Генкин «Кондор» все равно поднимется выше, – твердо заявил Яшка.

– Он может, – согласился Шурик. – Но Генки нет.

Илья открыл рот, но сказать ничего не успел. Сказал Воробей:

- Генка теперь злой. С английским у него дело -гроб. Увяз.
- А он и не старался выкарабкаться, – спокойно произнес Шурик.

Яшка уставился на него колючими глазами:

– «Не старался»! А ты знаешь? А чего стараться, если все равно бесполезно! Если человек не может!

Шурик согласился:

- Может быть. Я не знаю, я учу немецкий. Он, говорят, легче.

– У разных людей голова по-разному устроена, – задумчиво произнес Яшка. – У одного языки учатся хорошо, а у другого никак. У Галки, у моей сестры, в медицинском институте английский язык да еще латинский, на котором рецепты выписывают. И она хоть бы что. А я в этот латинский заглянул – ну ни капельки не понятно.

Шурик пожал плечами:

- А ты сразу понять хотел? Ты хоть латинские буквы знаешь?

– Знаю. «Рэ» – как «я», только наоборот. «Лэ» – как «гэ» вниз головой. «И» – палка с точкой.

- Сам ты палка с точкой, – вздохнул Шурик.

Яшка снова задрал голову. Белый «конвертик» стоял в небе не двигаясь.

- Даже не дрогнет, – сказал Илья.

– У Генки все равно лучше, – ответил Яшка и плюнул. – Надо Генку позвать. «Кондора» поднимем, тогда этот беляк сразу...

Что такое это «сразу», Яшка сказать не умел. Но он понимал и другие понимали, что, если «Кондор» поднимется выше беляка, все будет в порядке. Илья опять хотел сказать, что Генку он уже позвал, но Шурик перебил:

- Про английский с ним не говорите, когда придет.

- Уже пришел, – хмуро откликнулся Генка.

Никто не заметил, как он оказался рядом: все разглядывали белого змея.

- Извини, я не видел, – спокойно сказал Шурик.

Генка поморщился и резко вскинул плечи. Таких людей, как Шурка, он не понимал. Терпеть не мог он, когда кто-нибудь так легко во все стороны раскидывал свои «извините» и «простите». Ему всегда было мучительно неловко за такого человека. Сам Генка в жизни своей никогда не просил прощения. Сколько раз бывало, что стоял он в учительской и завуч Анна Аркадьевна ждала от него всего четыре коротеньких слова: «Простите, больше не буду». Или даже всего одно слово: «Простите». Но он стоял и молчал, потому что легче было ему выдержать сто разных несчастий, чем выдать это слово...

Генка смотрел на змея, плотно сжав губы. Глаза его сузились и колюче блеснули.

- Запустим «Кондора»? – осторожно спросил Яшка.

- Еще чего! – не двигаясь, сказал Генка.

- Ген, давай, а? – запрыгал Илья. – Я сбегаю за ним.

Генка промолчал.

Илья перестал прыгать.

- Ну, а что делать? – спросил Шурик.

- Сбить.

...Они долго ничего не говорили. Сбить змея – это пиратское дело.

- Все-таки... мы же не голубятники, – нерешительно произнес Шурик.

- А я и не знал, что мы не голубятники, – сказал Генка, продолжая смотреть на змея.

Яшка молчал. У него были свои причины, чтобы молчать.

- Он ведь сам виноват, да, Гена? – заговорил Илья. – Ему сигналили, а он не отвечает.

Конечно, надо сбить, наверно.

Шурик задумчиво почесал подбородок.

- Вообще, конечно... Раз он не отвечает...
- Как его достанешь? – глядя в сторону, пробормотал Яшка. – Высотища-то...
- А катапульта? – быстро вмешался Илья.
- Помолчи! – цыкнул Яшка.
- Илья правильно говорит, – заступился Генка.
- Так я и знал! – тихо и печально сказал Воробей. – А мне опять отдуваться, да?
- Катапульта недавно отбили у голубятников. Вернее, не отбили, а увели из-под носа.

Это было грозное на вид оружие, слегка похожее на пушку. На колесах от водовозной тележки, с дощатым лафетом, с диванными пружинами и туго закрученными веревками. А вместо ствола торчал гибкий шест с примотанной на конце старой поварешкой. Голубятники полмесяца трудились над страшной машиной и похвалялись, что, когда ее доделают, ни один «конверт» не вернется на землю целым.

Доделать ее они сумели, а выполнить угрозу не смогли. В семь часов вечера пираты-голубятники спрятали катапульта в огороде у Сереги и Витьки Ковалевых. В девять она исчезла. Как это случилось, до сих пор остается тайной. Только Яшка Воробей знает, да Шурик, да Генка. И еще Володька Савин, капитан «Леонардо», и его дружок Игорь Кан, у которого «Пас-сат». Кроме того, пожалели малыша Илью и под большим секретом рассказали эту историю ему. Услыхав этот рассказ, Илья даже стонать начал от хохота и, лежа в траве, так дрыгал ногами, будто ему сразу несколько человек щекотали живот холодными пальцами. А потом вдруг замолчал, сел и посмотрел на всех потемневшими глазами. И сказал, что это совсем предательское дело – так к нему относиться. Все всегда про всё знают, а ему не говорят. Все всегда делают интересные дела, а его не берут.

Если думают, что он маленький и ничего не может, тогда пусть сами бегают, если надо кого-нибудь куда-нибудь позвать, или что-нибудь узнать, или принести, или еще что-нибудь. А он бегать не обязан.

Илью хотели успокоить, но он успокаиваться не стал, а поднялся с травы и пошел прочь.

Только он был не злой человек и скоро перестал обижаться. Да и неинтересно было ссориться, потому что на следующее утро начали испытывать катапульта и предложили Ильке дергать веревку.

Он хорошо дергал, но стреляла катапульта плохо. Не так, как полагалось. Кирпичные обломки летели из привязанной к шесту поварешки не вверх, а низко над землей. Первый врезался в Яшкино крыльцо и оставил на нем оранжевую вмятину. Второй пробил брешь в помидорных кустах. Третий со свистом ушел за забор, и все со страхом ждали, когда там что-нибудь зазвенит или загремит. Но было тихо.

Наконец пришел Шурик, обозвал всех непонятым словом «питекантропы» и занялся катапультой всерьез. Передвинул какую-то палку, покрутил сверху маленькое колесо от детского велосипеда, подумал, покрутил еще и сказал:

- Машина к эксперименту готова.
- Можно стрелять, что ли? – хмуро спросил Генка.
- Да.

Это был первый настоящий выстрел: камень ушел на такую высоту, что сделался как пылинка. Но это был самый несчастный выстрел, потому что камень вернулся. Он упал на старый курятник и пробил фанерную крышу. Кур там не было, но стояли стеклянные банки, которые Яшкина мать берегла для варенья. Уцелело три банки из одиннадцати.

Катапульта успели спрятать за сарай, но Яшку мать все равно поймала, утащила в дом, и оттуда донесли его завывания.

С тех пор грозная метательная машина стояла без дела. Голубятники узнали, у кого спрятана катапульта, и просили отдать обратно. Обещали, что ни один змей больше не тронут. Но

хозяева «конвертов», даже те, кто слышал о катапульте лишь краем уха, отвечали коротко и одинаково:

– Шиш! Она и нам пригодится.

Зачем она может понадобиться, никто не знал.

Но вот пригодилась...

– Ну вас, – ноющим голосом сказал Воробей. – Опять увидит кто-нибудь. Не обрадуемся.

– Зарядим за сараем, – коротко ответил Генка. – Выкатим бегом. Раз – и обратно...

– Ага! Жить надоело? – упирался Яшка. – Заряженную выкатывать, да? Как сорвется да как даст...

– Сам выкачу, – сказал Генка и зашагал к Яшкиной калитке.

Его злая досада теперь получила новое и четкое направление – белый змей. Надо было его сбить: Генке казалось, что от этого станет легче.

– Могут подумать, что мы сбили его, потому что завидуем, – вдруг сказал Шурик, шагая за Генкой. – Лучше бы сначала поднять «Кондора».

– Сначала собьем, потом поднимем «Кондора», – сквозь зубы ответил Генка.

– Но это глупо, – сказал Шурик.

– Не всем быть умными...

Во дворе, за сараем, они разбросали лопухи и куски фанеры, которыми была укрыта катапульта. Генка ухватил конец шеста, отогнул назад и крючком прицепил его к дощатому хвосту. Потом начал вертеть маленькое колесо от детского велосипеда. Шест дрожал. Скрипучие веревки натягивали узлы. Пружины звенели и сжимались.

– Хватит! – жалобно попросил Яшка.

Он почти каждую секунду выглядывал из-за сарая: нет ли кого-нибудь во дворе. Остренький нос его даже вспотел от волнения.

Генка крутил.

– Хватит, – спокойно сказал Шурик.

Генка отпустил колесо.

– Ты бы, Шурка, приготовил нитку. И камень.

– Ну что ж...

Шурик ушел.

– Воробей, открой калитку, – велел Генка.

Яшка на цыпочках побежал к воротам. Генка сказал:

– Илька, в сторону! – и взялся за колесо.

Илька в сторону не пошел. Он взялся за другое колесо. Даже налег животом.

– Кому я говорю! – прикрикнул Генка.

– Ген, – тихо сказал Илька. – Если змея собьем, можно я его себе возьму? А то у всех есть, а у меня нет.

– Ладно, возьми. Отойди, а то сорвется...

– Я не боюсь.

Звякнула открытая калитка. Генка толкнул катапульту. Илька тоже толкнул, и она, гудя пружинами, покатила к воротам.

На улице между асфальтовым тротуаром и пыльными кустами желтой акации, которые тянулись вдоль дороги, была травянистая полоса. В одном месте она расширялась в полянку. Там Шурик уложил кругами нить. Вместо камня он привязал к ней мешочек с землей, сделанный из носового платка.

– В целях безопасности, – сказал он. – Вдруг трахнет по чьей-нибудь голове. Конечно, вероятность мала, но все-таки...

Другой конец нитки он прикрепил к акации.

– Ну-ка, пустите. Наведу.

Генка отошел. Тут он не спорил: Шурка лучше всех управлялся с этой штукой. Яшка все оглядывался. Но улица была пуста.

Шурик, сощурившись, глянул на змея, чуть передвинул катапульту, шевельнул сверху толстый березовый брусочек. Положил тугим узелком с землей в поварешку на конце шеста.

Генка стоял, сжав губы, и ждал. Белый змей не двигался в опаленной солнцем высоте. Генка даже себе не хотел признаться, что «Кондор» на эту высоту не поднимется.

– Можно, – сказал Шурик.

– Долетит? – спросил Генка.

– Видимо, да.

– Скорее, – прошептал Яшка.

– Илья, дергай.

Дергать просто так было неинтересно. Илья набрал полную грудь воздуха, важно покачался на тонких ногах, оглядел всех по очереди и басом сказал:

– Огонь!

Удар был крепкий! Шест выбил поперечный брусочек и трахнул концом по земле. Катапульта подпрыгнула и опрокинулась набок. Брусочек, закувыркавшись, улетел на дорогу. Маленькое велосипедное колесо отскочило и, вихляя, катилось по траве.

Но выстрел получился. Нить стремительно вытягивалась в спираль, уходила вверх, вслед за тряпичным снарядом.

– Есть, – очень спокойно сказал Шурик.

Нить катапульты захлестнула нитку змея. «Конверт» качнулся, мотнул хвостом, дернулся, будто хотел сбросить аркан. Но не сбросил и начал медленно падать.

Глава третья

Когда падает сбитый змей, хозяин его не сидит и не смотрит спокойно. Он прыгает с крыши и мчится к месту катастрофы. И очень часто бывает, что мчатся рядом его друзья.

Генка это знал. Но он сказал:

– Пойду один.

– Лучше мы тоже пойдем, – предложил Шурик.

– Я один, – повторил Генка, и скулы у него стали острыми.

Шурик пожал плечами. Если Генка сказал, спорить не стоит, это все знают.

Яшка торопливо собирал разлетевшиеся части катапульти.

Змей упал далеко, где-то на улице Чехова или в переулке Красногвардейцев. Видно, его хозяин тянул нитку из всех сил.

Генка сунул в карманы кулаки и, не оглянувшись, зашагал по дороге. Илья бросился следом.

– Я с тобой, Ген...

– Не надо, Илья. Помоги Воробью.

Илья отстал.

Генка пересек улицу Чайковского, прошел квартал по Якорной и вышел на улицу Чехова. На душе у Генки было скверно. Сквозь мысли о белом змее, о катапульте, о западных ветрах и тучах все равно пробивались мысли тоскливые и беспокойные: школа... английский... отец... Обида на отца была как тупая, несильная боль. К ней почему-то примешивалась жалость. Генка вдруг подумал, что сейчас отец уже на пароходе. Стоит на палубе, дымит сигаретами, швыряет за борт окурки.

Оставаясь за кормой, они отмечают путь парохода редкими белыми точками...

Чтобы отогнать эти мысли, Генка ускорил шаги. Почти побежал. Ведь хозяин змея тоже, наверно, спешит.

А драки Генка не боялся. Даже хотел драки.

Белого змея он увидел скоро. «Конверт» лежал на упругой зелени заросшего газона. Упал он удачно – нитка пролегла вдоль всей улицы и нигде не зацепила проводов. Длинный мочальный хвост свернулся на траве аккуратным кольцом. Змей словно прилег отдохнуть и поджидал хозяина.

Но хозяина не было. Вообще никого не было, даже случайных прохожих. Лишь через минуту Генка увидел в конце квартала маленькую, словно тушью нарисованную фигурку. Это подходил мальчишка.

Он был в черных тренировочных брюках, в черной футболке, темноволосый и тонкий. И Генка почувствовал, что драки не будет: мальчишка – хлюпик. Связываться смешно. Наверно, третьеклассник какой-нибудь.

А мальчишка шел не спеша, с опущенной головой. Словно что-то искал на дороге. В пальцах его скользила поднятая с земли нитка. Генку он будто не видел.

– Значит, мы не торопимся, – сквозь зубы сказал Генка. – Ну-ну...

Он вытянул вдоль газона хвост змея, прижал его конец подошвой, сел на штaketник и стал ждать. Капитан белого «конверта» явно решил показать свой характер. На Генку он так и не взглянул. Сдернул змея с газона, опустил на колено и стал осторожно ощупывать планки: целы ли? В точности так же, как все змеевики. Словно планки «конверта» могли болеть, как живые тонкие кости.

Змей оказался цел. Мальчишка оборвал нитку и резко встал с «конвертом» в руках. Хвост натянулся, треснула дранка, бумага лопнула, и белый квадрат змея развалился на две части.

Генка вскочил. Это было слишком! Можно показывать характер, конечно! Можно не смотреть на человека, если даже он сидит рядом на штaketнике напружиненный, как готовая к драке кошка! Все это можно. Еще секунду назад Генка чувствовал даже что-то вроде уважения к этому мальчишке: не боится, выдерживает характер. Но гробить такого змея ради своего упрямства!..

– Ты что, взбесился? – с тихой яростью сказал Генка. – Не видишь, да? Не видишь, что я... держу!

Мальчишка выпрямился и прижал порванного змея к груди. На секунду лицо его сделалось растерянным. Он вскинул глаза и взглянул куда-то сквозь Генку. Но тут же снова стал спокоен. Опустил голову, отбросил змея. Сказал тихо и жестко:

– Не вижу. Ну и что?

Генка почувствовал, будто кто-то крепкой рукой ухватил его за волосы и с размаху макнул лицом в крутой кипяток. Даже в ушах зазвенело и отчаянно, как от едкого мыла, защипало в глазах. И впервые в жизни, хрипло и неумело, Генка проговорил:

– Извини.

...Ребята сидели на двухскатной крыше Яшкиного дома. Шурик и Яшка устроились пониже – у самой лестницы – на тот случай, если во дворе появится грозная Воробеиха, Яшкина мать. А Илька, маленький и верткий, добрался до гребня и лег в тени трубы. Он был там почти незаметен: Илькины загорелые ноги и спина оказались почти такими же коричневыми, как железная крыша. И старенькие вельветовые штаны были тоже коричневые. А клетчато-зеленую рубашку Илька снял и подстелил под себя, чтобы не расцарапать о шершавые кровельные листы живот и колени.

С заречной стороны, из-за туманной лесной полосы, двигался ровный ветер. Лохматил волосы мальчишек, покачивал в небе пестрые «конверты», гнал круглые облака, похожие на белый дым от выстрелов старинных корабельных пушек. Облака не задевали солнца, и оно плавилось в синеве, все еще по-летнему теплое и высокое.

Крыша пахла нагретым железом, ржавчиной и пылью. Многим этот запах кажется неприятным. Тем, кто не понимает. А для мальчишек это запах высоты. Он связан с волнением первого запуска, когда нитка начинает ровно и быстро скользить в пальцах и вздрагивать, как живой нерв, который передает тебе силу и стремительность высоких ветров. А змей уходит, уходит в высоту. Еще не веришь в такую удачу, а он уже совсем маленький, как почтовая марка. Послушный тебе и ветру...

Но сейчас у них не было змея. Ребята сидели просто так. Ждали Генку. Ждали долго, и уже появилось нетерпение и беспокойство. И будь это не Генка, а другой, они давно бы уже созвали ватагу и помчались следом. На выручку. Но Генка этого не потерпит. Раз уж сказал «пойду один», будет один до конца и за помощь спасибо не скажет, пусть его там хоть убивают...

– Идет! – возвестил с гребня Илька. И добавил потише: – Только без змея.

Генка вскарабкался по лестнице, шагнул, грохнув железом, к ребятам, сел рядом. Но ничего не сказал. Сидел и смотрел куда-то в сторону, и было у него такое лицо, будто хочет он что-то рассказать, но не решается и поэтому злится на себя и на других. А другие ни о чем его не спрашивали. Если Генка молчит вот так, сердито, лучше его не спрашивать.

Илька первый не выдержал:

– Ген, ты подрался?

Генка молчал.

– Подрался, да?

– Сиди уж... «подрался»! – Генка говорил недовольным, но не злым голосом. – Делать мне больше нечего, как драться...

– Не нашел змея, да?

– Нашел.

Снова наступило молчание. И в этом молчании вдруг четко прозвучали два Илькиных слова:

– Эх, ты!

Генка шевельнулся.

– Чего «эх»?

– Ты, кажется, говорил, что отдадим змея Ильке, если собьем, – сухо произнес Шурик.

Генкино молчание его раздражало.

– Самому надо делать, – хмуро сказал Генка. – Нечего на готовенькое...

– А если не получается... – проговорил Илька таким голосом, словно у него щекотало в горле и он боялся закашляться.

«Захочешь – научишься», – чуть не сказал Генка. Но эти слова показались ему неприятно знакомыми. Ну ясно: это отец говорил недавно Генке. Говорил не про змея, а про английский язык, конечно...

Да, но при чем здесь английский? Ох, вспомнится же не вовремя!

– Все равно этот змей пополам развалился, – тихо сказал Генка. Помолчал и повернулся к Шурику: —

Есть у тебя еще бумага? Помнишь, на которой ты «Восток-203» вычерчивал для Борьки.

– Есть... Зачем?

– Ну... зачем, – медленно выговорил Генка и начал краснеть. – Ну, тому мальчишке... Надо же ему новый «конверт» сделать. – И вдруг разозлился: – Заладили все: «Не отвечает на сигналы. Чужой!» А как он будет отвечать, если он про нас и не знает? Если он слепой...

Шурик тихо и протяжно свистнул.

– Ой! – сказал Илька и съехал с гребня крыши к самому ее краю.

– Совсем слепой? – спросил Яшка Воробей и заморгал круглыми глазками.

– Совсем... А я его чуть не отлупил.

– Тебе бы только лупить, – сказал Шурик.

Генка не разозлился. Он был даже рад упреку, хотя и не мог бы объяснить почему.

– Ну и влипли мы! – серьезно произнес Шурик.

– Это я влип, – возразил Генка. – А вы при чем? А я тоже... Откуда я знал? Ничего ведь не заметно. Он ходит совсем как... ну, как обыкновенный человек. И глаза.

У него были обыкновенные глаза. Серые, с синеватыми прожилками. Как у многих-многих мальчишек. Мальчик их редко поднимал, почти все время глаза были прикрыты полутенью длинных, загнутых кверху ресниц. Разве догадаешься?

Генка иногда встречал на улицах слепых людей. Два раза он даже переводил через дорогу высокого, очень прямого мужчину в синих очках. У него было напряженное, какое-то застывшее лицо, движения скованные, хотя и быстрые. И это сухое постукивание неизменной тросточки...

А маленький капитан белого змея был совсем не такой. Двигался неторопливо и легко. И лицо было живое. Славное такое лицо не робкого, но застенчивого мальчишки, который из-за своей застенчивости привык держать глаза опущенными. Ну как Генка мог догадаться, что эти глаза не видят?

Он стоял перед мальчиком и чувствовал себя каким-то беспомощным. Как обезоруженный фехтовальщик, который теперь может надеяться на что угодно, только не на свою ловкость и силу.

– Я же не знал, – сказал ему Генка с таким трудом, будто глотал комок из колючей проволоки.

– Ой, ну перестань! – быстро и смущенно проговорил мальчик. – Обязательно, что ли, знать?

Ответить на эти странные слова Генка не сумел. А стоять так и молчать было неловко и тяжело. И уйти он не мог. Чувствовал, что нельзя просто так повернуться и уйти.

Мальчик нагнулся, нащупал на земле брошенного змея, зачем-то поднял его и отбросил снова. И сказал не то Генке, не то себе:

– Все равно погиб.

– Может, еще можно починить, – пробормотал Генка, хотя понимал, что это самая настоящая глупость.

– Нет уж, – вздохнул мальчик. – А если и починить... Высоко он не поднимется.

– Не поднимется... А он высоко стоял, выше всех наших, – неожиданно признался Генка. Ведь если выше всех, значит, и выше «Кондора».

– Ваших? – мальчик вскинул глаза.

На этот раз Генке не показалось, что глаза смотрят куда-то мимо. Наверно, слепой мальчишка по голосу точно чувствовал, где стоит собеседник, и ловко владел невидящим взглядом. – Ваших? – переспросил он удивленно. – Значит, есть еще?

– Конечно, – облегченно выдохнул Генка. Он был рад, что кончилось тяжелое молчание. – наших много. Если бы ты... – Генка хотел сказать: «Если бы ты видел», но спохватился. – Если бы ты знал!

Мальчик свел брови. Они были тонкие и такие же темные, как волосы.

Мальчик медленно сказал:

– Тогда я знаю... Там другая нитка с моей перехлестнулась. Это он с вашим змеем запутался, да?

– Нет. Это мы сами... Сбили.

– Зачем? – Он, кажется, ничуть не рассердился, даже не обиделся. Только очень удивился: кому помешал змей в большом просторном небе?

– Мы же не знали, – снова сказал Генка. – Всех своих знаем, а этот незнакомый. У нас сигналы есть, а твой на сигналы не отвечает. И выше всех. Ну, мы думали, что ты просто не хочешь, раз выше...

– Я и не думал, что есть еще, – тихо ответил мальчик. – Думал, что я один.

– Теперь никто не тронет твоего змея. Даже голубятники, – сказал Генка.

Мальчик нашарил в траве оторванную от змея нитку.

– Придется клеить новый. Ладно, сделаю. Только хороший такой уж не будет.

«Хочешь, возьми мой «Кондор», – хотел сказать Генка, но не решился. Лишь спросил:

– Трудно делать?

– Не очень. Но бумаги нет. Есть только ватманская, для чертежей. Она крепкая, но тяжелая.

– Ну, бумагу-то я достану, принесу, – поспешно пообещал Генка.

– Придешь? Сам, да? – быстро спросил мальчик.

– Принесу... А можно?

– Я адрес скажу, ты запомни, – заторопился мальчик. – Чехова, сорок три, в самом конце улицы, в тупике. Совсем легко найти.

– Запомню, – сказал Генка. – Зачем мне адрес? Я просто дом запомню. Дойдем сейчас вместе. Не идти же тебе одному.

Мальчик дернул остреньким плечом.

– Могу и один. А что? Пришел ведь. У меня нитка.

– Нитку надо смотать, чего ей пропадать зря. Я смотаю.

– Я сам.

Он шагнул и начал наматывать нитку на большой палец и на локоть широкими петлями, как женщины наматывают бельевые веревки.

Генка нерешительно сказал:

– Запутается.

– Не запутается. Я же знаю... А идти я могу и без нитки. Думаешь, не могу?

– Можешь, – ответил Генка, потому что понял: тут надо обязательно согласиться. – Я только думал про машины. Ты по середине дороги идешь, а вдруг машина из-за угла... А шофер ведь не знает. Незаметно ведь, что ты... что тебе трудно.

– Не так уж трудно... А правда незаметно? – как-то настороженно спросил мальчик.

– Ничуть, – быстро сказал Генка. Говорить об этом ему было неловко.

Они зашагали по дороге. Мальчик шел неторопливо, но совсем свободно. Можно было подумать, что он движется медленно только из-за нитки: ведь ее приходилось сматывать очень аккуратно. Но он остановился вдруг и попросил:

– Знаешь, ты иди рядом, ладно? Нет, ты за руку не держи, просто рядом иди, чтобы я чувствовал.

Генка торопливо пристроился с правой стороны. Через несколько шагов мальчик снова сказал:

– Незнакомая улица. Это все-таки плохо.

Генка старался идти в ногу и молчал. Его мучил один вопрос, но заговорить об этом Генка решился не сразу.

– Слушай... – наконец начал он. – Я вот не понимаю. Мы же тоже умеем. Я про змеев говорю. Мы же умеем их строить. У нас Шурка есть, он нам даже расчеты делает. А такой, как у тебя, все равно еще никто не построил. Или ты запускаешь не так?

Не это хотел спросить Генка. Он хотел сказать короче и проще: «Почему ты хотя и не видишь, а запускаешь змея выше, чем мы? В чем секрет?» Но не посмел. Он боялся произнести слово «видеть».

Однако мальчик понял.

– Это, по-моему, не трудно, – сказал он. – Просто надо чувствовать ветер. И нитку чувствовать – пальцами, рукой, плечом. Я не знаю, это само получается...

– Нитку чувствовать – это я понимаю, – задумчиво произнес Генка. – Пальцами. А плечом... Это я не понимаю.

– Каждый, наверно, по-своему держит, – негромко сказал мальчик и почему-то смутился. – Я ее по плечу пропускаю. Ну, вот так. – Он перекинул нитку через плечо. – Только она натянута, когда змей в воздухе. Вот прижми здесь, я натяну.

Генка послушно прижал двумя пальцами белую нитку к черной майке. Теперь нитка была натянута между кулаком и плечом мальчишки. Он осторожно, словно струну, тронул ее пальцами правой руки.

– Вот так, – сказал он.

– Постой, – не понял Генка. – Ну как же? Ведь нитка-то назад уходит. Значит, змей будет за спиной?

– Ну и что же... – Мальчик поднял лицо, и Генке показалось, что он смотрит, именно смотрит, куда-то далеко вперед. – Ну и пусть за спиной. Мне его все равно не видеть. Мне главное – ветер чувствовать. Вот я и стою лицом в ту сторону, где ветер. А ты не так?

– Нет, – вздохнул Генка. Он все еще держал пальцы на худом плече мальчишки и чувствовал, как под тонкой ключицей бьется тонкая жилка.

– Его зовут Владик, – сказал Генка. – Он приехал с отцом из Воронежа. Отец у него инженер. Только забыл какой. Он сказал, да я забыл.

– А матери нет, что ли? – спросил Яшка.

– Не знаю.

– А Воробеиха катапульту поломала топором, – вдруг сообщил Илья и покосился на Яшку. – Яшкина мать поломала.

– Да ну ее...

Затея с катапультной теперь казалась Генке совершенно глупой. Вроде дошкольной игры в лошадки. Даже стыдно было. И вообще все теперь казалось мелким и незначительным по сравнению с бедой мальчишки, которого он только что встретил.

Генка уперся пятками в водосточный желоб и лег на спину. Теплое от солнца железо грело сквозь рубашку. Лучи покалывали краешек глаза, но Генка, не моргая, смотрел вверх. Там, в зените, стояла бесконечно голубая густая синева. И двигались облака. Они бежали все так же неторопливо, но что-то случилось с ними: облака уже не походили на круглый дым от корабельных пушек. Они были лохматые и раздерганные на клочья.

Таковыми же медленными и раздерганными были Генкины мысли.

«У Владьки отец, – думал он, – инженер... И у меня... инженер. Интересно, какой отец у Владьки?... Наверху сильный ветер: вон как растрепало облака. Медленно идут... Облака всегда идут медленно. Это только с земли кажется, что медленно, а на самом деле... И время тоже. Дни... Кажется, что дни еле ползут, а оглянешься – целый месяц прошел... Скорей бы он проходил, этот месяц! Пройдет, и все кончится, не надо будет думать об английском. Только жалко, что кончатся и ветры, и лето... У меня отец тоже инженер. Как у Владьки. А Владьку отец хоть раз ударил? Ну нет, это... это же такое было бы свинство! Да и за что? Владька же, наверно, не оставался на осень по английскому... И опять этот английский! Ну здесь-то он при чем?»

Это было просто смешно. Смешно думать о какой-то двойке по английскому языку, когда рядом, на улице Чехова, живет мальчишка, не видящий неба, облаков, солнца. И вообще ничего. Ни-че-го. Ни малейшего проблеска света.

– Ничего... – сказал Генка и вдруг понял полную безнадежность этого пустого черного слова. Не было в этом слове даже самой крошечной, самой слабой искорки. Только непроницаемая тьма. Ничего и никогда...

Но как это можно?! Так не бывает!

Он попытался представить себя слепым. Он закрыл глаза. Но солнце просвечивало сквозь веки, и в глазах плавал яркий оранжевый туман. Тогда Генка прижал к ним ладони. Однако и сейчас в фиолетовой темноте плавали хороводы пестрых пятен.

Генка ждал. Медленно, нехотя одно за другим пятна стали угасать. Их было еще много, но они потускнели, растворились в сумраке. А фиолетовая тьма сгущалась и сгущалась. И вдруг, поглотив последние следы света, навалилась на Генку плотная и тяжелая чернота! Мгновенный страх резанул его: а если это совсем?! Генка раскинул руки с такой силой, что ссадил о железо костяшки пальцев. И солнце ударило по глазам жгучими и веселыми лучами.

– Ты что? – испугался Яшка.

– Ничего, – хмуро сказал Генка и стал слизывать с костяшек алые капельки крови.

Он успокоился. Он совершенно успокоился. Очень маленькими были его несчастья по сравнению с Владькиным горем. Стоило ли о них вспоминать? И Генка подумал, что сегодня же он с легким сердцем закинет учебник английского языка за поленницу.

Глава четвертая

Утром, около девяти часов, Генка подошел к зеленой покосившейся калитке. Он боялся, что пришел слишком рано, однако другого ничего не оставалось. В девять начинались занятия с Верой Генриховной, и Генка сказал матери и бабушке, что идет в школу. Белую бумагу, которую дал Шурик, пришлось свернуть по форме учебника и сунуть под мышку.

Калитка была заперта. Генка вздохнул и погремел тяжелым железным кольцом.

И сразу послышались быстрые и легкие шаги. Калитка звякнула щеколдой, отворилась, и Генка увидел Владика. Было на Владыкином лице беспокойство и напряженное ожидание, вздрагивали брови.

– Вот, я принес бумагу, – поскорее сказал Генка, чтобы Владик сразу узнал его.

Брови перестали вздрагивать. Владик улыбнулся обрадованно и чуть растерянно. И словно застеснялся своей улыбки.

– Ты проходи, – заговорил он. – Калитку не захлопывай, ладно? Может быть, скоро папа придет. А калитку захлопнешь – сразу щеколда запирается. Каждый раз идти открывать... Это тетка наша придумала такую автоматику. Воров боится, что ли...

– Сама придумала, пусть сама и отпирает, – предложил Генка, потому что почувствовал: особого уважения к тетке у Владика нет.

– А она уехала, – сказал Владик. – На целых две недели. Мы здесь пока вдвоем... Ну пошли.

Он зашагал впереди по доскам неширокого тротуарчика. Доски пружинили, и Генке казалось, что они вот-вот подкинут Владика вверх на целый метр – таким он выглядел легким.

– Бумага помятая немного, – заговорил Генка. – Намочить придется, чтобы расправить. Владик замедлил шаги.

– Намочить? Слушай, а я про это ничего не знаю. Разве она не порвется?

– Не порвется. Еще лучше потом натянется, когда высохнет. Ну, я покажу.

– Покажешь, правда? – быстро спросил Владик. – Ты не торопишься?

– Куда мне торопиться? – сказал Генка с чуть заметной досадой. – А я... не рано пришел?

– Ну что ты! Мы знаешь как рано встаем. Папе к восьми на работу.

Владик безошибочно вел Генку через длинный двор, мимо помидорных и морковных грядок, мимо парников, к небольшому кособокому сараю. А когда подошли, точным ударом ноги толкнул дверь.

– Подождешь минутку? Я тут винт ишу для наушника... Ты садись.

Полутьма сарайчика пахла сухими стружками и была прорезана солнечными щелями. Генка сел у стены на чурбак. По углам громоздились сломанные стулья, дырявые чемоданы и другая рухлядь, которую почему-то часто жалеют и не решаются сжечь. А у двери на толстой березовой чурке поблескивали слесарные тиски. Они были новые – видно, поставили их здесь недавно.

Владик сел на корточки перед большой картонной коробкой. Солнце из щелей сразу опоясало его тремя желтыми шнурами. В коробке что-то звенело: Владик на ощупь отыскивал винт.

Генка привстал.

– Какой винт? Давай помогу.

– Я сам... Ты тут и не разберешься в моем хозяйстве. Я быстро.

И правда, он быстро нащупал среди мотков проволоки, гвоздей и гаек маленький шуруп. Из этой же коробки вытащил он и наушники на металлической дужке. Один наушник едва держался, и Владик стал его привинчивать. Шуруп входил в гнездо туго. Ногти у Владика

побелели от напряжения. Он закусил губу и низко наклонил голову, будто хотел разглядеть упрямый винт.

Генка стоял рядом и мучился. Ему ничего не стоило закрепить наушник, но сказать об этом он боялся. Он знал уже, что Владик коротко ответит: «Я сам».

– Зачем они тебе, наушники эти? – безразличным голосом спросил Генка.

– Радио... слушать, – сказал Владик сквозь зубы, докручивая винт. Наконец закрутил, выпрямился и улыбнулся. – Знаешь, как с ними удобно! Включишь – и сразу знаешь, где что делается. Про весь мир. Они мне вместо газеты. И вместо книжек...

Генка почувствовал, что лицо его начинает гореть. Ладно, что хоть Владик не видит.

«Болтун несчастный!» – сказал себе Генка. И решил, что теперь ни одним вопросом, ни единым словечком не напомнит Владiku о его слепоте.

– Я думал, что динамик лучше, – объяснил он. – Хочешь, я Шурке Черемховскому скажу? Он сразу сделает репродуктор, какой хочешь.

Владик поднял коробку, утащил ее в угол и ответил оттуда:

– А у нас приемник есть. Знаешь какой? «Восток-пятьдесят семь». Это как раз для него наушники. Они же лучше, чем громкий голос. Громкость папе мешает. Он вечерами сидит, сидит, занимается, чертит. А наушники ему не мешают.

– Он и днем и вечером работает?

– И ночью иногда, – вздохнул Владик. – Понимаешь, он такой инженер. По оборудованию. На судостроительном новый цех пускать должны, вот он там и хозяйничает. И ругается. Что-то не так построили. Станки не размещаются. Надо что-то пересчитывать там, он объяснял, да я не понял. Ну, вот и сидит считает. Чертит.

Генка молчал. Когда заходит речь об отцах, каждый вспоминает своего.

Генкин отец никогда не работал дома. Ни по вечерам, ни днем. Ему нечего было делать в этом городе. Он уезжал работать в тайгу, где строили деревообделочные и бумажные комбинаты, и дома бывал не часто, наездами. В первые дни после приезда был он каким-то не похожим на себя: торопливый, возбужденный. Ходил в кино по три раза в день и требовал, чтобы Генка с мамой ходили с ним тоже. Это были самые хорошие дни. Отец навещал знакомых, звал к себе друзей, и комнаты наполнялись густым гулом веселых мужских голосов.

Через несколько дней отец успокаивался. С утра до вечера лежал на узком скрипучем диване и читал Генкины книжки про шпионов и моряков.

Генка приходил из школы, по давней привычке толкал под диван измочаленный портфель, потом садился в ноги у отца.

– Папа... – говорил Генка.

– Угу, – отвечал из-за книжки отец.

– Ты опять скоро уедешь, да?

– Видно будет, – говорил отец. Мусолил палец и переворачивал страницу.

– Не слюни пальцы! – пугался Генка. – Книжка же новая, мне ее Володька Савин дал на три дня, как только купил. Даже сам не читал.

– Ладно, не буду...

Генка вздыхал и спрашивал:

– Папа, ты в отпуску или в командировке?

– В отпуску.

– Ты ведь уже был в отпуску.

Теперь вздыхал отец. Он опускал книгу на грудь, несколько секунд молча смотрел на Генку и, наконец, четкими, отдельными словами давал объяснение:

– Я разбил месячный отпуск на три части. И еще взял неделю без сохранения содержания. То есть без денег. Ясно?

Это означало: «Отвязался бы ты и не мешал читать!»

– Ясно, – говорил Генка, но вдруг его охватывало беспокойство за отца. – А как там без тебя? Там же работа. Справятся там?

Диван раздраженно скрипел: это отец лежа пожимал плечами.

– Что я, пуп земли? Заместитель есть на участке. Потерпит десять дней.

– А тайга какая?

– О боже! Большая тайга, вековая, дремучая, густая! Волки, медведи, куницы, крокодилы!

– Крокодилов нет, – тихо говорил Генка.

Отец немного смягчился, и книга опять ложилась на грудь.

– Ладно. На будущий год поедем вместе, сам увидишь... Там ты хоть человеком станешь.

Генка смотрел на длинное, с залысинами, отцовское лицо, на твердый, раздвоенный подбородок.

– А сейчас я кто? – спрашивал Генка.

– Сейчас ты так... так просто, – отвечал отец без улыбки. Даже серые светлые глаза не улыбались.

И Генкины глаза, такие же серые и светлые, не улыбались тоже.

– А когда человек человеком делается?

– Когда у него работа появляется, нужное дело. Понятно?

– Понятно. А я в школе учусь. Это, что ли, не нужное дело?

– Учение – еще не работа.

– Оно еще труднее, – обижался Генка. – С работы пришел – и отдыхай. И короткие дни по субботам. А нам еще уроки учить. Говорили, что в субботу задавать не будут, а все равно задают... А ты говоришь: «Не человек».

– Ну ладно, ладно, человек.

– Все ребята, значит, не люди?

– Люди. Не мешай.

– И студенты, раз они учатся, не люди?

– Слушай, ты дашь мне почитать?

– Ну, читай, – вздыхал Генка. – Только отдай книжку.

– Какую?!

– Ну, которая у тебя...

– Ты что, смеешься?

– Ну, папа, – жалобно говорил Генка, – мне же только на три дня дали! Я же сам не читал.

– Успеешь еще.

– Да, успеешь...

Отец медленно поднимался, садился. Коротенькие волосы у него смешно топорщились над круглым, красным от таежного загара лбом.

– Что это за порядок? Пришел из школы – и сразу же за книжку про шпионов! Небось учебник не берешь. И вообще... Ну-ка, показывай дневник!

Пожалуйста! Генка вытаскивал из-под дивана портфель. Чего ему бояться? Пусть смотрит. Тройки по природоведению да по истории? Ну и что? Не двойки ведь. И Генка сердито дергал блестящий замок, который все время заедало...

Так было, когда Генка учился в третьем классе, в четвертом. В пятом он уже не показывал дневник так охотно. Из-за английского. Да отец во время редких приездов почти и не вспоминал о нем.

И о том, что возьмет Генку в тайгу, он говорил не так часто. Но все-таки говорил иногда.

И Генка ждал. Тайга представлялась ему громадой мачтовых стволов и сплошной хвойной зелени, прорезанной тонкими лучами солнца и звенящим звуком электропил... И казалось Генке, что там, вдвоем с отцом, они будут ближе друг другу.

Но не получилась поездка. Опять все тот же английский...

Конечно, не стал Генка говорить про это Владику. Только сказал:

– У меня отец тоже инженер. Строитель. В поездках все время... А мать диспетчером на троллейбусном маршруте работает.

Он думал, что и Владик теперь скажет что-нибудь о своей матери. Владик подергал дужку наушников, примерил на голове и улыбнулся.

– Крепко держится. А то вчера знаешь что? Вечером, поздно уже, папа сидит чертит, а я лежу и пьесу слушаю: «Шторм», про моряков. Он говорит: «Хватит, спать пора». А я говорю: «Рано еще». Пьеса интересная, жалко бросать. Он опять: «Спи давай». А я залез под одеяло и слушаю. Он тогда подошел и наушники с меня тянет. А я не даю. Ну, и давай дурачиться. А они – хлоп на пол. Винтик выскочил – и в какую-то щель... А теперь уж не выскочит.

– Передачу-то дослушал? – спросил Генка.

– Папа громкость включил в приемнике. Вместе и слушали. Он говорит, что все равно голова от работы распухла. Да он так часто говорит, а все равно сидит по ночам...

– Хороший он у тебя, – чуть слышно сказал Генка.

Владик снял наушники.

– Пойдем, да? Бумагу мочить...

– Айда.

Владик первым шагнул к выходу. Генка двинулся за ним и только сейчас заметил на стене у двери велосипед. Искорки света горели на спицах и ободах. Генка крутнул переднее колесо. Оно завертелось легко, с чуть слышным шорохом.

– Горьковский, – сказал Генка. – «Прогресс». Законный велик...

Владик остановился:

– У тебя нет?

– Нет. В этом году уже не купят. Может, в будущем.

– Если хочешь, бери, катайся, – предложил Владик. – Он все равно пока без дела висит. Это была неожиданная радость. Но Генка сдержал ее.

– А твой отец? – спросил он. – Не заругается?

Владик удивленно обернулся, и его глаза, совсем не похожие на глаза слепого, скользнули по Генке.

– Что ты! Он ничего не скажет. Он все равно не ездит на нем, это же мой велосипед.

– Твой?! – вырвалось у Генки. Правда, в ту же секунду он прикусил язык.

Ну надо же так! А если Владик ослеп недавно? А вдруг он еще этой весной, как все мальчишки, носился на велосипеде по асфальтовым тротуарам, пугая прохожих и радуясь синему блеску луж?

Но Владька не обиделся. А если и обиделся, то немного, как обижаются любой из ребят, когда ему не верят.

– Не веришь? А знаешь, как я на нем гонял, когда в Воронеже жили? Там вокруг двора асфальтовая дорожка была. Я на ней каждый поворот знал...

– Да я верю, – пробормотал Генка.

– Я ночью катался, – тихо сказал Владик. – Днем там прохожие ходят, малыши бегают, а я ночью. Мне-то все равно. Хорошо было. Только один раз на какого-то пьяницу налетел. Вот. – Он подтянул узкий рукав футболки, и Генка увидел белый шероховатый рубец. – Это я тогда ссадил, – объяснил Владик. – А ты не веришь.

– Да верю я, – смущенно повторил Генка. И все-таки не удержался, спросил: – А отец-то тебе разрешал?

– Он разрешал. Он меня сам учил, – сказал Владик. И неожиданно добавил: – Он меня и ходить учил... Так, чтобы незаметно было, что я не вижу.

Генка молчал. Он думал о том, что Владька не похож на других мальчишек не потому, что слепой. На слепого он ведь тоже не похож. Тут что-то другое...

– Ой, ну пойдем, – вдруг заспешил Владик. – Не надоел тебе мой разговор? Я в эти дни все один да один дома. Все молчу... А тут ты пришел.

– Плохо одному, – сказал Генка. Владика он понял. Но что еще мог он сказать? Это ведь только в книжках пишут, что встретятся незнакомые мальчишки и в первые же минуты: «Слушай, давай дружить!» – «Давай!» – «По-настоящему?» – «По-настоящему!» А на самом деле разве так говорят? Генка не понимал, как вообще можно об этом вслух говорить.

И Владик, наверно, думал так же.

– У вас в огороде бочка. Обмакнем туда бумагу, – предложил Генка, – а потом кнопками к стене пришпилим. Есть кнопки?

– Конечно.

Они пошли к бочке, и снова Генке казалось, что пружинистые доски вот-вот подбросят Владьку, как легкое черное перо. Перо закружится по ветру и улетит к зениту. Вон туда!

Генка поднял глаза.

В небе трепыхался и медленно падал «Желтый щит».

Генка даже не знал толком, чей это «конверт». Но большой желтый змей падал рывками, как падают все «конверты», захлестнутые закидушкой.

– Владик, – торопливо сказал Генка, – мне надо бежать. Сбили змея.

– Твой? – спросил Владик и остановился.

– Не мой. Не знаю чей. Но все равно бежать надо. Понимаешь, такое правило. Голубятники сбили.

Владик молча шагнул с дощатых мостков, давая Генке дорогу.

– Без меня не мочи бумагу, – сказал Генка, следя за падением змея.

– Значит, придешь? – обрадованно спросил Владик. – Сегодня придешь?

«Желтый щит» падал где-то в переулке Конноармейцев.

– Сегодня – не знаю. Нам дрова привезут, надо в поленницу складывать. Кубиков восемь. А завтра обязательно.

– Завтра обязательно? – негромко переспросил Владик.

– Да, – сказал Генка и быстро пошел, потом побежал к калитке.

Глава пятая

Утром Генка проснулся и увидел, что окна серые. Шел дождь, мелкий, нудный, моросящий. И откуда нагнало эти низкие, пропитанные сыростью облака? Руки у Генки гудели: вчера пришлось повозиться с дровами. В ладони тихо ныла заноза. Настроение было скверное.

– Вставай, – сказала мать. – Опять опоздаешь на занятия. Как дела в школе-то?

– Лучше некуда, – буркнул Генка. Это можно было понимать как хочешь.

– Вот оно, наказание-то наше! – простонала на кухне бабушка.

«Начинается!» – уныло подумал Генка. Но вспомнил о Владике, и на душе потеплело.

Он отыскал в шкафу свою старую серую куртку. Куртка называлась непромокаемой и потому промокала не раньше, чем через пять минут. А до Владика идти минут восемь. «Переживем», – решил Генка.

– Не забудь учебник с тетрадкой, – предупредила мать.

– Не забуду.

На самом деле учебник размокал за поленицей. Генка подумал об этом с полным спокойствием. Ему было все равно.

– Я пошел...

И на этот раз ему открыл калитку Владик. Он ждал, это Генка сразу понял.

– Пришел!

«Как видишь», – чуть не брякнул Генка и ахнул про себя.

– Пойдем, – заторопился Владик. – Сыро. Моросит и моросит...

Дом Владыкиной тетки состоял из двух частей.словно два домика срослись боками. Один был побольше и постарше, под крутой двухскатной крышей, а к нему лепилась недавно сделанная пристройка. Доски некрашеного крыльца еще не потеряли свежей желтизны, а водосточный желоб у края плоской шиферной крыши не был тронут ни единым пятнышком ржавчины.

В этой пристройке и жил Владик с отцом.

В узких сенях было темно и пахло новой рогожей. Владик дернул дверь, ведущую в комнату.

– Заходи.

Генка старательно вытирал о мешковину промокшие тапочки. Потом увидел светло-желтый пол комнаты и сбросил их совсем. Владик догадался по звуку.

– Ну зачем ты...

Генка бросил у порога мокрую куртку.

– А то еще наляпаю у вас тут.

В комнате было светло. Даже казалось, что солнечно, потому что на полу играли яркие желтые блики. В углу у двери прижимался к стене кособокий большой шкаф с пятнистым зеркалом. Он словно стеснялся своего неказистого вида и старался быть в тени. Даже зеркало его почти не блестело. А еще было три разных стула, длинная облезлая кровать, узкий диван, почти такой же, как дома у Генки, и широкий стол с чертежной доской. Видно, тетка снабдила родственников мебелью, что похуже. Только чертежная доска была светлая и новая. Конечно, не теткина. А на полу, вдоль стен, стопками лежали книги.

Кроме того, Генка увидел дверь, а за ней белый бок маленькой печки. Там была, наверно, кухня. Странно, что вход в нее был через комнату.

Пока Генка осматривался, Владик вытащил из-за шкафа свернутую в трубку бумагу.

– Проверь. Гладкая? – Он с громким шелестом развернул лист. – Я ее не мочил. Просто утюгом прогладил через полотенце.

Бумага в самом деле оказалась гладкой.

– Хотя сейчас можно дранки наклеивать, – согласился Генка. – Есть они у тебя?

– Есть. – Он опять полез за шкаф. И вдруг остановился. – Гена, а как тот змей? Правда сбили его?

– Сбили, – небрежно сказал Генка. – Только все равно без толку. Мы вперед успели, подобрали.

– Я боялся, что он сам упал, – сказал Владик. И, помолчав, признался: – Не люблю, когда змей падает... У меня раньше падали.

– Но ведь тот... ну, последний... Он ведь хороший был, – пробормотал Генка. – Он же не сам...

– Сейчас они у меня получаются, – сказал Владик. – Только я долго сижу над ними... Ну ладно. Если сейчас начнем, к обеду кончим. Еще ведь рано, да?

– Куда торопиться-то? Все равно дождь. И откуда его принесло?

– Я еще вчера знал, что принесет, – сообщил Владик, вытаскивая дранки. – Думаешь, он надолго? Он скоро кончится, вот увидишь.

– Вчера знал? – удивился Генка. – И не сказал ничего.

Владик насторожился.

– Ты бы не обещал, что придешь, да?

– Ну вот... Чего это ты? – досадливо ответил Генка. – «Не обещал». Из-за обещанья я, что ли, пришел?

– Я просто так... – негромко сказал Владик.

Генка, чтобы замять неловкий разговор, оглянулся: о чем бы спросить?

В углу, за диваном он увидел большой черный футляр. Генка знал, что в таких футлярах носят баяны. Это, кстати, все, что он знал о баянах и вообще о музыке. Он был к ней равнодушен. Из всего, что за долгие столетия сочинили композиторы, Генка знал и любил две песни: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал!» и кубинский марш «Двадцать шестое июля».

Но сейчас надо было о чем-то заговорить, и Генка шагнул к баяну. Щелкнул по футляру и спросил:

– Твой инструмент?

Владик не ответил. Он стоял спиной к Генке, и в руках его громко шелестела бумага.

– Владик, твой баян? – переспросил Генка.

– Это аккордеон, – сказал Владик.

– Ну, твой?

Владик толкнул за шкаф свернутую в трубку бумагу. Его узкие плечи как-то устало опустились.

– Ты как все, – почти шепотом сказал Владик. – Такой же.

Генка ничего не понял. Но почувствовал, что опять сказал что-то лишнее. Но что? И как ответить теперь?

Но Владик заговорил сам. Негромко, но с резкой, звенящей обидой:

– Про велосипед никто не спросит. Даже не верят. Удивляются, охают. А про эту штуку, – он безошибочно кивнул в сторону черного футляра, – каждому надо знать. «Твой?», «Учишься?», «Играешь?». А он и не мой! Это папа себе купил, а не мне. Думаешь, если... если человек ничего не видит, значит, ему только на гармошке играть, да? Думаешь, больше он ничего не может?

– Ничего я не думаю, – выдавил Генка и подумал, что хорошо бы сейчас оказаться далеко-далеко, если уж нельзя провалиться сквозь землю. Сколько раз говорил себе: «Не болтай лишнего!»

– Думаешь, очень мне нужна эта музыка... – повторил Владик.

Генка сморщился, как от боли:

– Да ничего я не думаю. Ну, просто спросил.

– Кроме музыки, еще тысячи разных дел есть, – не оборачиваясь, проговорил Владик.

– Ты... ты как девчонка! – жалобно крикнул Генка. – Сам все выдумываешь, а потом обижаешься. Я же просто так спросил. Потому что здесь баян стоит. У любого бы спросил, если бы у него был баян. Хоть у кого! Понятно?

– Знаю я... – тихо сказал Владик. И было непонятно, что он знает: то ли, что сам виноват в этом споре, то ли, что нельзя верить Генке. Но ведь Генка не врал!

Теперь они молчали. И чем дальше, тем хуже было молчать. Наконец Владик примирительно произнес:

– Понимаешь, обидно, когда все одно и то же...

– Я понимаю, – поспешно откликнулся Генка.

Владик подошел и стал рядом. Опустил голову и покусывал губы, словно не решался в чем-то признаться.

– Хочешь... я покажу, – с запинкой начал он, – одну вещь. Только надо лезть на чердак.

Генка готов был хоть к черту на рога, лишь бы скорее забылась Владыкина неожиданная обида.

Он даже куртку не надел, когда выскочил вслед за Владиком под дождь.

Владик первый взобрался на крышу дома по скользким от дождя перекладинам лестницы. Видно было, что лазил он здесь не один раз. Генка даже отстал немного.

Светло-серый ребристый шифер блестел, как мокрая стиральная доска. Там, где плоская крыша пристройки переходила в скат главной крыши, прилепилось что-то вроде крошечного домика. Это был вход на чердак. А недалеко от него торчал железный прут с жестяным широким флажком. «Флюгер», – понял Генка.

Владик согнулся и нырнул в темный квадрат чердачного входа. Пролез и Генка.

Сначала он увидел только темноту и смутные полосы деревянных балок.

– Вот... – с какой-то неловкостью в голосе начал Владик. – Здесь у меня... Понимаешь?

– Сейчас, – ответил Генка. Он ждал, когда глаза привыкнут к темноте.

Потом он догадался: шагнул в сторону от распахнутой дверцы и стало светлее. «Бригантина», – чуть не сказал Генка.

Потому что в первую секунду чердак показался ему кораблем. Конечно, только в первую секунду. Никакой чердак с кораблем не сравнишь. Но все-таки что-то похожее было: Генка вспомнил старый фильм, где высокие волны качали с борта на борт тяжелый трехмачтовый парусник, в темном трюме плескалась вода, а на мостике капитан в промокшей треуголке кричал в медный рупор красивые испанские ругательства. Почему это вспомнилось Генке? Может быть, пасмурный свет дождливого дня был похож на свет киноэкрана, а толстые балки чердачных перекрытий напоминали корабельные ребра – шпангоуты. Может быть, потому, что посвистывал и звенел влажный ветер. А самое главное – то, что на одной из поперечных балок блестели медью и никелем приборы.

Генка еще не разглядел, что это за приборы. Он видел только белые циферблаты и тонкие усики стрелок. И там же, на гвозде, вколоченном в балку, висела фуражка. Обыкновенная мальчишечья фуражка. Значит, Владыкина. Висела она здесь как-то по-домашнему, словно в коридоре на вешалке. И Генка понял, что Владик бывает здесь часто, очень часто.

Может быть, Владик играет в корабль? Генка еще не очень понимал, в чем тут дело. Но он знал, что бывают игры, которые не просто игры, а связаны с чем-то важным. С какой-то мечтой или тайной. Он уважал такие тайны и знал, что нельзя их задевать ни любопытством, ни самой легкой шуткой.

Генка шагнул к приборам.

– Здорово устроено, – заметил он.

Слева висел будильник. Обыкновенный будильник, только без стекла. И цифры были не нарисованные, а выпуклые, вырезанные из картона.

– Знаешь, какой он точный! – сказал Владик. – За десять дней всего на полминуты убе-
гает.

Справа поблескивал стрелками круглый барометр-анероид. Генка знал, что это за штука, видел у Шурика. Когда хотели поскорее узнать, какая будет погода, стукали по стеклу ногтем и смотрели, куда дернется стрелка. Генка и сейчас хотел щелкнуть, но спохватился: как и на будильнике, здесь не было стекла. Медная стрелка-указатель торчала прямо вверх. Ее острый конец разделил пополам слово «переменно» и стоял на числе «76».

– Ага, – сказал Генка. – Ясно, как ты узнаешь про дождь.

– Ты барометр смотришь? – спросил Владик. – Думаешь, по нему узнаю? Можно и без него. Да и врет он часто. Все равно можно. Мне бы еще только термометр, чтобы стрелка была. Без стрелки я не могу.

– Бывают и со стрелками, – сказал Генка. – В Москве на университете есть такой, похожий на часы. Большущий.

– Я знаю. Только как устроен, не знаю. А то бы мы с папой попробовали сделать...

– Он тебе и это помогал устраивать? – Генка щелкнул по железному пруту флюгера, который проходил на чердак сквозь крышу.

– Нет, это я сам. – Владик сел на корточки и сжал прут в кулаке. – Тут все просто устроено.

Стержень внизу был закреплен на подставке, с подшипником и поэтому легко вращался. На той же подставке, вокруг подшипника, лежало фанерное кольцо с делениями из наклеенных спичек и с выгнутыми из проволоки буквами: NOSW. А над кольцом, прикрепленная к стержню, вздрагивала жестяная стрелка. Ее наконечник прыгал слева от буквы W, где-то у маленького деления, обозначающего, кажется, вест-зюйд-вест.

– ...И не надо лазить на крышу, – оживленно и немного сбивчиво объяснял Владик. – Ветер наверху... Там флажок двигается, а стрелка здесь ходит.

– Хорошо придумано, – рассеянно сказал Генка. Придумано было действительно неплохо, но Генка думал о другом. – Владик... Тут ведь все железное.

– Ну да. Из дерева делать плохо. Надо толстый шест искать, а потом такую дырищу в крыше пробивать. Тетка бы лопнула от злости.

– Тогда хоть заземление надо сделать, – с хмурой озабоченностью предложил Генка. – А то он торчит над крышей, как громоотвод, только наоборот: громоотводы против молний, а этот притянет.

– Да ерунда, – торопливо сказал Владик. – Ничего не притянет. Это только так говорят. Генка насупился и предупредил тихо, но сердито:

– Владька, я ведь серьезно. Вот спалишь дом.

Владик подпрыгнул, сел верхом на балку и закачал ногами.

– Ну и пусть! – заявил он как-то слишком весело. – А нам с папой скоро квартиру дадут.

– А эта... тетя ваша? В шалаше будет жить?

– Тю-у? Она новый дом построит! Думаешь, не построит? Ого!

Он пришпорил балку и гикнул, будто пятилетний малыш, который вообразил себя верхом на горячем скакуне. Он веселился вовсю. Только было ли у него веселым лицо, Генка не видел: Владик сидел к нему спиной. Вдруг он сказал:

– Она, наверно, целых пять домов построит, если захочет. Всю жизнь деньги копит. Думаешь, она для нас эту пристройку делала? Для квартирантов. Студентов хотела в нее пустить. С каждого – по десятке. Ничего, она с нас не меньше дерет. Ты не думай, что жалко. Просто противно. Богу чуть ли не каждый день молится, про грехи какие-то бормочет, а сама такая... На людей ей наплевать.

– А она кто? Настоящая твоя тетка? Родная?

Владик раздраженно мотнул головой.

– «Родная, родная»! Ты прямо как мой папка! Он тоже доказывает... А мне хоть кто, хоть роднее всех. Если она такая...

Генка больше не спрашивал. Владик сидел, устало сгорбившись, будто проскакал на своем «коне» много трудных километров. Потом он легко спрыгнул с балки и как ни в чем не бывало предложил:

– Пойдем, у меня там компас. Тоже сам сделал.

Он потащил Генку в дальний угол чердака. Там в пластмассовой бачке для проявления фотопленок плавала на пробковом кружке длинная сапожная игла.

– Я ее намагнитил, – объяснил Владик. – Такой компас очень точным считается. Только надо держать подальше от железа. Я не знал сначала и поставил возле флюгера. А потом догадался, что врать будет. Помнишь, в» Пятнадцатилетнем капитане» Негоро железо под компас сунул? Я, когда прочитал, догадался.

– Прочи... – начал Генка и осекся: опять Владик обидится.

Владик не то с усмешкой, не то со вздохом сказал:

– Не я, конечно, читал, а папа. Сам я редко читаю.

«Читает все-таки, – подумал Генка. – Кажется, бывают такие книги с выпуклыми буквами». Он набрался смелости и спросил:

– Есть такие книги, да? Специальные? – Он не решился сказать «для слепых».

– Есть, – недовольно ответил Владик. – Мало только. Там буквы проколами делаются. Я их не люблю, я обыкновенные буквы люблю.

Они сидели в дальнем темном углу, у компаса, на каких-то чурбаках, и Владик сказал:

– Знаешь, как я учился читать? Еще до школы. По спичкам. Папа на работу уходил, а я целый день один дома. Знаешь, как скучно!.. Маленький еще был. Тогда папа меня и начал учить, из спичек складывал. Сначала буквы, потом слова. Потом начал сказки сочинять. Я ночью сплю, а он сидит, сочиняет, а потом спички на кусочки ломает, слова складывает. Сначала еще ничего, я плохо читал, сказки коротенькие были. А когда научился, знаешь как ему доставалось... Он иногда до утра сидел. А я же глупый был, мне лишь бы сказка получше да подлиннее. Утром он уйдет на работу, я встану – и скорее к столу. Там уж газета, а на газете буквы. Если сказка длинная, мне на полдня хватало. Ползаю, разбирая... Надо ведь осторожно, чтобы спички не сдвинуть. Потом уж их папа приклеивать стал, потому что один раз окно было открыто, и ветер газету сдул... Уж я ревел! Бегал по комнате, кулаками махал, хотел ветер наколотить... Смешно, верно?

Было ничуть не смешно. Наоборот. Захотелось Генке сказать Владiku какие-то хорошие слова. Про него самого и про его отца. Но таких слов Генка говорить не умел. И он лишь спросил небрежно:

– А в школе ты тоже в Воронеже учился?

– В Воронеже... И в Омске. В разных...

– В специальных?

Владик покачал головой.

– Нет. Не хочу я... В специальные интернаты... Там все время жить надо. А мы с папой... понимаешь, вместе все время.

– Понимаю, – шепотом сказал Генка.

– Я и в такой школе могу. Думаешь, не могу? У меня память хорошая, я все на уроках запоминаю. Писать в тетрадях только трудно. Ну, меня от чистописания все равно освобождали. И от рисования освобождали.

– Ты в каком теперь?

– В четвертый перешел, – вздохнул Владик. – Мог бы в пятый уже, мне почти одиннадцать. Но я как-то глупо родился, в сентябре. Когда в первый класс записывали, меня сначала не взяли. Говорят, потому что до семи полмесяца не хватает. На следующий год тоже не хотели,

да я уж читать и считать умел. Одна учительница, Нина Сергеевна, меня в свой класс взяла, занималась, домой к нам ходила. Хорошая такая... А первый раз ох я и ревел, когда не приняли! – признался он. – Так же, как в тот раз, когда ветер сказку рассыпал...

«Он мне все рассказывает, – подумал Генка. – Почему? Может быть, потому, что ничего не видит и все для него кругом как ночь, а ночью, говорят, люди бывают откровеннее?» Но Генка понимал, что это ерунда. Он чувствовал другое: Владик доверяет ему как другу.

– Я, когда маленький был, не любил ветер, – тихо сказал Владик. – Только уж потом полюбил, когда понял... От ветра знаешь как погода зависит! – Он поднялся и стал пробираться к флюгеру. – Слышишь, ветер сильнее стал и ровнее? Значит, скоро дождь кончится. Если ветер чувствовать, можно хорошо узнавать, какая будет погода...

– Это правильно, – согласился Генка.

Ломая на кусочки какую-то щепку, Владик вполголоса проговорил:

– Конечно... есть еще разные внешние признаки. Например, цвет неба, форма облаков. Облака – это ведь важно: перистые, кучевые, слоистые. Только ведь скажут, если надо, верно? Не один же я буду.

– Где? – морща лоб, спросил Генка. Опять он ничего не понимал.

Владик бросил щепки.

– Ну, где... На станциях. На зимовках. Где определяют погоду. Ты же знаешь.

«Ух ты!» – не то подумал, не то прошептал Генка. Потому что лишь в эту секунду пришла настоящая разгадка. Все встало на свои места, сделалось четким и понятным, словно в бинокле, когда повернешь окуляры до полной резкости. И деловитая стрелка флюгера над фанерной шкалой, и дребезжащий анероид, и Владькина фуражка на гвозде рядом с приборами, и сам Владька, не захотевший стать музыкантом. Владька, задумавший удивительное и дерзкое: стать метеорологом. «На станциях. На зимовках...»

В сумраке чердака пасмурный квадрат окна казался ярким и серебристым. По нему бежали рваные облака. Владькина фигурка в этом квадрате была совсем черной.

Он стоял спиной к Генке, тоненький, прямой и неподвижный. Что-то непонятное задело Генкину душу. Это «что-то» было тревожным и звонким, словно ждала далекая дорога и под синим грозовым небом горны проиграли походный сигнал.

Но ведь не было пока у Генки такой дороги. А у Владьки была...

– Ты не говори, – вдруг услышал Генка. – Никому не говори про это, ладно? Я тебе первому сказал, одному.

Генка кивнул. Он забыл, что Владик не увидит этого молчаливого согласия.

И, встревоженный молчанием Генки, а может быть, своими мыслями, Владик сбивчиво заговорил:

– Вот ты... как думаешь, получится это у меня? Если изо всех сил...

В голосе его вдруг прозвучало такое беспокойство, что у Генки холодок пробежал по спине.

– Получится, – тихо сказал он. – У тебя все получится.

Дождь кончился, и за клочьями низких облаков угадывалась солнечная желтизна. Ветер был еще сырой, но легкий и не холодный. Генка и Владик выбрались на крышу. После сумрака и земляного запаха чердака небо и улицы показались Генке удивительно просторными и светлыми, а ветер приносил запахи мокрых трав.

– Ветер пахнет лесом, – сказал Владик. – Земляничкой пахнет и листьями осины.

Он стоял рядом, и Генка чувствовал его острый локоть.

– Да, – ответил Генка, хотя не помнил как пахнут листья осины.

Владик прислушался.

– Папа идет, – сказал он.

– Где?

– Ну, я не знаю. Далеко еще.

Генка зажмурился и напряг слух. Ему тоже захотелось услышать шаги Владькиного отца. Но он слышал только незаметный шум дня: шорох ветра, далекий гул машин, голоса прохожих, басовитые гудки буксиров, музыку репродуктора... А потом звякнула калитка, и Владик весело крикнул:

– Ага, пришел! – Это прозвучало, как «ага, попался!». – А говорил, что до вечера...

От калитки шел высокий человек в сапогах, серой кепке и мешковатом темном костюме. Доски прогибались под сапогами. Лицом он показался Генке похожим на испанца: прямой нос, узкий подбородок, волосы на висках подстрижены низко, как у тореадора, которого Генка на прошлой неделе видел в киножурнале. Но губы были широкие и мягкие, а волосы светлые. Все это Генка разглядел, когда Владькин отец остановился и поднял голову.

Он улыбнулся Генке глазами, а Владiku ответил:

– Не получилось до вечера. Прогнали.

Владик испуганно качнулся вперед.

– Кто?

– Начальство, – засмеялся отец. – Ты не свались... До послезавтра приказано на работу не являться. Говорят, без меня теперь управятся. Вот как...

– Ура! – тихо, но энергично сказал Владик. – Это они правильно.

– Что же делать, будем загорать.

– Папа... – сказал Владик.

– Ну?

– Ты готов?

– Давай.

– Держи!

Владик стремительно согнулся и прыгнул вперед, с крыши. У Генки внутри что-то обвалилось. Он чуть не крикнул. Но руки отца подхватили Владика у самой земли и удержали на весу.

– Приземлились, – сказал Владик и важно покачал головой.

Генка вспомнил своего отца. Как он уехал. Какая-то смесь обиды и зависти качнула его вперед, как волна. Не думая, Генка шагнул к самому краю крыши и тоже прыгнул.

Он прыгнул не глядя. Ноги скользнули по мокрым доскам. Он упал на бок и ударился локтем. Так, что искры и слезы из глаз. Стараясь не морщиться, Генка сел и увидел над собой Владькиного отца.

– Жив?

– Жив, – сказал Генка и попытался улыбнуться.

– Ну надо же догадаться! Кости целы? Вставай тогда. – Он приподнял Генку за плечи. – Тут ведь дело не простое. У нас с Владиком все рассчитано, а ты сразу – бултых!

– Ничего, – сказал Генка, пряча влажные глаза. И добавил уже совсем глупо, сам не зная зачем: – А вы и не похожи вовсе на инженера. Я думал, вы не такой.

– Какой есть, – улыбнулся Владькин отец. И, кажется, не удивился.

А Генка чувствовал, что несет чепуху, которая показалась бы смешной даже малышу Ильке. И все-таки нес:

– У меня отец тоже инженер. Тоже не похож. Наверно, все настоящие инженеры не похожи на инженеров.

– А это мысль, – сказал настоящий инженер.

Владик тронул Генку за рукав.

– Ну я и перепугался, – признался он.

– Пустяки, – ответил Генка. – Я пойду. Надо мне домой.

– А то оставайся, – предложил отец Владика. – Сейчас полную сковородку картошки соорудим. – Он обернулся к Владiku: – Ты начистил?

Владик вздохнул и зацарапал ботинком по крыльцу.

– Ну, я так и знал, – печально сказал отец. – Конечно, забыл?

– Сейчас начищу, – заговорил Владик. – Долго, что ли...

– «Долго, что ли»!.. Горе ты мое! Про крышу небось не забыл, – усмехнулся отец. И обратился к Генке: – Слезить на крышу он никогда не забудет. Вот уродился чертенька! Что с ним делать, не знаю. Лупить, что ли?

– Лупи! – весело сказал Владик.

– Неудобно как-то. Большой уже.

– Раньше надо было, – охотно согласился Владик.

– Вот сломаешь шею...

– Я?!

Генка молча слушал их, и ему не хотелось уходить. Но он опять сказал:

– Я пойду.

– Придешь потом? – спросил Владик.

– Завтра. Завтра утром. Можно?

– Вот вопрос! – удивился Владькин отец. – Ты, Гена, разбудить нас не бойся. Мы, как говорят, с петухами встаем.

«Имя знает, – подумал Генка. – Значит, Владик говорил про меня».

За калиткой Генка вспомнил, что забыл куртку. Но уже проглядывало солнце, и он не стал возвращаться.

Глава шестая

Утром за Генкой увязался Илья. Откуда он узнал, что Генка идет к Владику, совершенно непонятно. Он вылетел из-за угла, расстегнутая рубашка полоскалась за спиной.

Тормознув сандалией, Илья выдохнул:

– Ген, я с тобой. Ладно?

– Слушай, Гонец, – сказал Генка, – лети в другую сторону.

– Ну, Гена...

– Я кому говорю!

Илья сказал потускневшим голосом:

– Жалко, да?

– Жалко.

Илья опустил голову и прошептал:

– Я же не буду мешать.

– А что ты там будешь делать?

– Смотреть, – сказал Илья и с надеждой глянул на Генку.

– Что тебе там, кино? – разозлился Генка.

– Змея смотреть, – жалобно объяснил Илья. – Вы делать будете, а я учиться буду.

– Откуда ты знаешь, что мы будем делать?

Илья вздохнул:

– Догадался...

– Где не надо, ты догадливый! – проворчал Генка. – А там возьмешь да ляпнешь что-нибудь.

– Не ляпну, вот увидишь.

– Я тебе дам «увидишь»! Ты эту привычку брось, если хочешь туда пойти. Вообще такие слова забудь: «увидишь», «смотри», «глаза». Понял?

Илья понял.

– Да, еще... – хмуро сказал Генка. – Не вздумай его о матери спрашивать.

– А где она?

– Откуда я знаю! Они вдвоем с отцом живут.

– Умерла, значит, – тихо сказал Илья. – Я не буду... Вот у нас тоже, когда папа умер...

Он не договорил, а Генке стало неловко за свою суровость.

– Ну, пойдем. Только не скачи, как козел.

Илья не скакал. До самой Владькиной калитки он шел задумчивый, погрузневший.

Но все-таки один раз Илья ляпнул. Когда знакомился с Владькиным отцом. Тот поставил Илью между колен и, чуть улыбаясь, выспрашивал:

– Как звать-то? Илья? Илья, значит. Илья-пророк... Ну-ну! Значит, Илюшка. А меня – Иван Сергеевич. Можно и проще – дядя Ваня.

– Лучше уж Иван Сергеевич, – сказал Илья, простодушно глядя на Владькиного отца. – У нас есть сосед дядя Ваня. Пьяница ужасная. Жена каждую субботу его из канавы домой на тачке возит. А он только мычит.

Генка довольно крепко хлопнул Илью между лопаток. Илья смутился и стал разглядывать свое колено, смазанное зеленкой.

Иван Сергеевич и Владик захохотали. Владька даже ногами заколотил по дверце шкафа – он сидел на гардеробе, что-то искал там.

Генка смотрел на Владькиного отца виновато, словно извинялся за Илью: что возьмешь с малыша...

– Папа, – отсмеявшись, начал Владик, – а здесь тоже нет клея.

– А я при чем?

– Ну, ты же убирал.

– Убирай сам. Сколько раз говорил: ставь на место.

– А на том месте твои лампы лежали.

– Отодвинул бы.

– Ну да! Начну отодвигать и шандарахну об пол.

– Я вот тебе тогда шандарахну... Что ты там дрыгаешься? Сам сейчас на пол слетишь.

– Конечно, – сказал Владик. – Потому что клей – вот он. Отойдите! – И он с грохотом прыгнул со шкафа. – Илька, забирай бумагу.

С Илькой он разговаривал так, будто они всю жизнь были знакомы. Илька, видно, тоже никакой неловкости не чувствовал. И Генка успокоился.

– Мы на крыльце будем клеить, – сказал Владик. – Папа, а ты ниток дашь?

– Куда вас денешь...

Владик с бутылкой клея шагнул к двери. Илька и Генка двинулись за ним.

– Гена! – окликнул Иван Сергеевич. – Подожди секунду. Помоги-ка шкаф отодвинуть. Владька за него мои чертежи завалил. Достать надо.

– Я завалил?! – возмутился Владик. – Они там целую неделю валяются! Дай я сам отодвину.

– Иди, иди...

Генка и Владькин отец остались вдвоем. Они легко отодвинули скрипучий гардероб от стены: видно, он не был набит имуществом до отказа. Иван Сергеевич отряхнул пыль с трубок ватманской бумаги. Потом повернулся к Генке и, глядя без обычной усмешки в глазах, спросил:

– Ну, как?

– Что? – насторожился Генка.

– Ну, вообще, – сказал Иван Сергеевич. – Как дела у вас?.. Как мой Владик?

– А что, – стесненно сказал Генка. – Все в порядке. Обыкновенно.

– Не хуже других?

– Чем он хуже... – глядя в сторону, сказал Генка. – Он даже... Вон он какого змея построил. У нас такой никто не может. И вообще он...

В этом «вообще» заключалось очень много, но говорить о таких вещах Генка не умел.

– Знаешь, Гена, – заговорил Иван Сергеевич, – эти дни он ходит такой, будто подарок получил. Хотя нет, он подаркам не очень радуется. Тут другое. Будто он чего-то хорошего ждет. Про тебя рассказывал.

– А чего про меня рассказывать... – смущенно пробормотал Генка.

– Да так... Худо ведь ему одному. А тут ты появился. Сегодня вот еще Илюшку привел. Для него это радость такая, для Владьки... Боится только.

– Чего? – удивился Генка.

– Боится. Думает, что походишь ты и бросишь.

– Что я, дорогу забуду? – грубовато сказал Генка и сам испугался своей резкости.

Но Иван Сергеевич ничего не заметил.

– Как-то не везло ему на друзей, – продолжал он. – Ребят, конечно, много было. И в школе, и у соседей. Только сторонились они его как-то, стеснялись, что ли. И жалели. Ты его не жалеешь.

– Его пожалеешь! – сказал Генка.

– Он этого не любит. – Иван Сергеевич забыл про чертежи. Он стоял рядом с Генкой, придерживал его за плечо. Генка не видел его лица, он не решался поднять глаза. Иван Сергеевич помолчал и повторил: – Не любит. Мы оба жалости не любим. Живем вот вдвоем, ничего... Ты его о матери не спрашивал?

– Я ни о чем не спрашивал, – быстро сказал Генка. – Он сам рассказывает, если что надо.

– Ну и ладно. Ты с ним про это не говори.

– Она умерла? – напрямик спросил Генка, чтобы наконец решить этот вопрос.

Иван Сергеевич отпустил Генкино плечо, поднял с пола и бросил на шкаф ворох ватманских трубок.

– Разные бывают люди, Гена, – глуховато сказал он. – Ушла от нас она. Еще до того, как эта беда случилась с Владькой.

– Разве... – вырвалось у Генки. – Разве Владик... не всегда так...

– Думаешь, он слепой родился? Нет. Это случай. Такая глупая история вышла. На берегу были бревна свалены кучей, и забрался под них котенок. Вот ребята и полезли выручать. И Владька. Три года было, а туда же... Ну, раскатились бревна. Кому руки-ноги поломало, а он упал и затылком о бревно... Так вот и получилось. Пока надежда была, пока по врачам его таскали, по больницам, я молчал. Потом написал ей. Она сперва письма посылала: вернусь, приеду скоро. Потом перестала. Может быть, я это зря тебе говорю. Ну ладно, это так уж... Чтобы знал. Владька об этом не скажет... Давай придвинем.

Они придвинули к стене шкаф. Иван Сергеевич отошел к окну. Генке показалось, что в его движениях сквозит умело скрытая, но большая усталость.

Генка не знал, может ли уйти. И спросить не мог: он боялся, что Владькин отец обидится.

Иван Сергеевич словно очнулся:

– Ну, беги. Сооружайте свой космолет... Здесь хорошо, вот в Воронеже этим делом плохо было заниматься: дом большой – на крышу нельзя. А у вас простор.

– Вы теперь всегда в нашем городе будете жить? – спросил Генка.

– Пока будем. А вообще, кто знает, у меня работа такая, приходится ездить. Да ты ведь знаешь. Твой папка тоже...

– Да, – сказал Генка. – Только он один ездит.

– Ну, это понятно. У вас тут дом. Хозяйство большое, наверно.

– Да нет, – сказал Генка. – Дом что... Развалюха. Бабушка тут. Куда ей по тайге мотаться.

И одну не оставишь.

Вообще, все, конечно, было сложнее. Генка помнил один разговор. Отец тогда предлагал: «Поедем». Он говорил, что есть новый поселок, что скоро, может быть, дадут квартиру.

– Ну, дадут, – сказала мама. – А через три месяца опять на голое место ехать. Хорошо это?

– Дело вкуса, – ответил отец. – Кому плохо, а кому и хорошо. Лучше, чем при своем курятнике да при огороде жизнь прожить.

– Дурень ты, – ласково сказала мама. – Дом, что ли, мне жалко? Век бы его не было, развалины этой. Только куда я там денусь, на твоём строительстве? Троллейбусы там у вас не ходят.

Но отец не смягчился.

– Нашлась бы работа. Подумаешь, диспетчер. Велика квалификация!

– Велика не велика, – сухо сказала мама, – а люди уважают. Знают все меня, и я всех знаю. Я здесь с кондуктора начинала.

Генка редко видел маму такой. Обычно она была усталая и немного растерянная от постоянных забот и огорчений. А сейчас говорила хотя и негромко, но твердо. И сделалась как-то строже. Наверно, так мама разговаривала с водителями, которые опаздывали на конечную остановку, или диктовала своим подчиненным новые графики движения.

Отец махнул рукой:

– С вами не договоришься!

– Гене тоже не дело из школы в школу болтаться.

– Ему все равно, где дурака валять. Там он, может быть, скорее за ум взялся бы. Посмотри, как люди работают, поймет, что к чему. Самому захочется человеком стать.

– Ничего, – сказала мама. – Людьми везде становятся. Не только на ваших стройках. Сам-то давно ли увольняться хотел?

– Не для того, чтобы на одном месте сидеть.

– Да уж где тебе на месте...

Вмешалась бабушка:

– Обо мне-то уж и думать, выходит, не надо? Как мне жить-то теперь: с вами по дорогам мыкаться или здесь одной век доживать? Чего лучше-то?

– Вот я и говорю, – сказала мама. – Были бы мы с ним одни, тогда еще можно подумать.

– Ну, думайте, – невесело усмехнулся отец и ушел на пристань один...

А Генка не знал, радоваться или огорчаться, что разговор кончился ничем. Поехать, конечно, хотелось. Но тогда, как и сейчас, был август и высоко-высоко, в косматых кронах тополей, в облаках, закипали ветры. Жаль было Генке этих ветров и солнечных крыш, над которыми ревели трещотки уходящих в высоту «конвертов».

Потом-то уж он по-настоящему горевал, что отец не уговорил мать и бабушку. Может быть, в школе таежного поселка было бы легче. Может быть, там учат не английский язык, а немецкий. Или даже французский. В некоторых школах, говорят, даже испанский изучают. Испанский – вот это да!

Но не стал Генка говорить Ивану Сергеевичу обо всех этих вещах. Зачем? Он переступил с ноги на ногу и полувопросительно сказал:

– Пойду я...

– Ну, шагай. Ждут уж они.

Генка вышел на крыльцо и увидел, что его друзья даже думать забыли про змея. Брошенный лист бумаги трепыхался на ветру. Он улетел бы, пожалуй, но один угол его был прижат бутылкой с клеем.

А Илька и Владик веселились вовсю!

Глухо стонала опрокинутая бочка, содрогалась и скрипела переброшенная через нее доска, но жалобы их были не слышны, потому что на весь двор хохотали двое отчаянных мальчишек. Еще недавно доска была частью тротуара, а бочка стояла под водосточной трубой. Но теперь это были качели. Илька на одном конце доски, Владька – на другом. Вверх, вниз! «Бедная Владькина тетка», – подумал Генка.

У Владика растрепались волосы. Он качался, не держась за доску, и сквозь смех что-то кричал Ильке. Но тот не слышал. Конец доски у Ильки был длиннее и поднимал своего легкого седока почти на два метра. Илька смешно, по-лягушачьи, растопыривал исцарапанные ноги, взвизгивал от восторга и радостно вопил на весь двор:

– Во, Владька!.. Я до неба!.. Всю землю видать!.. Даже за забором!.. – Он крутил головой на тонкой шее и был похож на клетчатую бабочку, потому что рубашка взлетала над плечами, как пестрые крылья. – Во, как с крыши!.. Все видать!..

Генка сдавленно крикнул:

– Илька! – И шепотом добавил: – Болван!

Но Илька слышал лишь свои радостные крики.

Зато Владик услышал Генку. Он повернул смеющееся лицо и, взлетая над землей, закричал:

– Эй, Генка! Хочешь с нами?!

Сам он сидел на доске, заложив руки за спину, и был похож на маленького черного наездника, умирившего дикую лошадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.